

**«Выброшенный из общества»:
советский человек о пребывании в сталинском «чистилище»**

В качестве текста, сочетающего в себе черты источника личного происхождения и эго-документа, публикуется фрагмент автобиографических воспоминаний Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970). Автор, трудившийся в 1920–1950-х гг. на Алтае в органах статистики, написал свои воспоминания в конце 1960-х гг., выйдя на пенсию и переехав в Новосибирск. Публикуемый фрагмент относится к 1933 г., когда бийский районный инспектор народнохозяйственного учета был арестован по ложному обвинению в анти-советской деятельности и четыре месяца содержался в заключении под следствием. Описываются обстоятельства ареста, допросы с целью добиться самоговора, поведение заключенных в экстремальных условиях. Автор эксплицирует свои мысли и эмоции, пережитые на пороге смерти. Рукопись предоставлена для публикации правнучкой автора Дарьей Ермоленко.

Ключевые слова: 1930-е годы, Барнаул, Бийск, воспоминания, эго-документ, ОГПУ, репрессивная система, досудебное расследование

В современном опыте научно-исследовательской работы историков, так же, как и в практике социально ориентированного историописания, все более значимую роль играет использование мемуарных текстов. Специалисты используют две разные маркировки мемуаров как исторических источников: их относят либо к источникам личного происхождения, либо к эго-документам. Эти две номинации относительно мирно уживаются потому, что они не синонимичны. Источник личного происхождения называется именно так, поскольку создается в приватной сфере его конкретного автора, в отличие от источников официально-коллективного (законодательство, статистика, периодическая печать и пр.) или безавторского (фольклор) происхождения. Эго-источник же выделяется по его содержанию, определяющему его социальную функцию. Это текст, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая, характеризующаяся эгоцентрической формулой: «Я-в-мире»¹, эксплицируется процесс осмысления автором своей персональной или социальной идентичности, рефлексивного соотнесения себя, своей жизни с другими людьми, с обществом и историей, хотя бы и локальной.

Как бы то ни было, отыскание и публикация, введение в научный оборот источников мемуарного характера – одна из насущных задач современной исторической науки, пережившей в XX столетии социальный, культурный, антропологический и лингвистический повороты. Можно назвать немало актуальных для науки и общественно значимых тем, разработка которых существенно облегчается обращением к информации, зафиксированной в эго-источниках, к живым рассказам участников и очевидцев изучаемых исторических коллизий. В то же время, как справедливо пишет историк Н. П. Матханова, опираясь на ранее высказанное мнение А. Г. Тартаковского², специальным объектом исторического исследования становится и сама деятельность людей по созданию и обнародованию мемуарных текстов (воспоминаний, дневников и пр.)³. Можно добавить, что особую ценность для некоторых предметных областей социальной, интеллектуальной, ментальной истории,

* **Владимир Александрович Зверев**, доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: sosna232@yandex.ru

¹ *Троицкий Ю. Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14.

² *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М., 1991. С. 220–221.

³ *Матханова Н. П.* Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. С. 4.

истории повседневности, истории частной жизни, истории чувств в России XX в. сегодня представляют мемуары «простых» людей, голос которых историки раньше едва слышали – представителей крестьянства, рабочего класса, интеллигенции и служащих, нижних слоев чиновничества, предпринимателей, даже социальных маргиналов и др. Воспоминания участников, наблюдателей или жертв тех исторических катаклизмов, которые неоднократно сотрясали страну в XX столетии, способны помочь глубже разобраться и в объективных обстоятельствах конкретных событий, и в субъективной стороне их восприятия и отражения в мыслях, чувствах и поведении современников.

В настоящей работе мы предлагаем к публикации большой фрагмент из такого яркого источника личного происхождения, который с полным правом может квалифицироваться и как эго-документ – автобиографических воспоминаний Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970).

Судя по его автобиографии, В. И. Ермоленко родился в селе Харсики Полтавской губернии в малоземельной семье потомственных запорожских казаков. Эта семья находилась в родстве с фамильным кланом местного уроженца Г. С. Сковороды – странствующего философа, поэта, баснописца и педагога XVIII в., внесшего заметный вклад в культуру восточнославянских народов. В 1894 г. родительская семья переселилась в Сибирь и осела в переселенческом поселке Асинкритовка Локтевской волости Змеиногорского округа Томской губернии (ныне – Локтевский район Алтайского края). Трехлетнее начальное образование Василий приобрел в организованной крестьянами деревенской школе грамоты. С 10 лет по необходимости и в соответствии с традицией он был привлечен родителями к работе на пашне и присмотру за младшими братьями. С 12 лет уже был вынужден зарабатывать на стороне. Побывал учеником приказчика в сельском магазине, батраком у зажиточных односельчан, плотогоном на реке. Встретив однажды на улице благообразного волостного писаря, крепко позавидовал его хорошей одежде и решил, что обязательно станет писарем.

Эта мечта осуществилась, когда он в возрасте 17 лет переехал в Бийский уезд, где работал лесообъездчиком его старший брат. В селе Макарьевском Василий устроился сначала учеником волостного писаря, потом помощником, подрабатывал по совместительству сельским писарем в соседних селениях. В таком статусе он встретил свое совершеннолетие, которое совпадало с возрастом призыва в армию. В 1914–1918 гг., в период своей воинской службы, Василий Ермоленко занимал писарские должности в армейских учреждениях в Бийске и Омске. После демобилизации участвовал в организации управленческой работы в советских, земских и снова советских органах власти в Бийске.

После окончания гражданской войны, в 1920–1926 гг., Василий Иванович служил в Бийском уездном (окружном) статистическом бюро – инструктором, а затем заведующим экономической секции. После упразднения Бийского округа в 1926–1931 гг. он трудится в селе Сростки – экономистом районной плановой комиссии. По-видимому, к этому времени относится его фотография (рис. 1).

Сростинский район просуществовал недолго, и Ермоленко вместе с женой, которая была его коллегой по работе, возвращается в Бийск. С 1931 г. он занимает должность экономиста в Бийском райисполкоме, а в 1932 г. становится районным инспектором народнохозяйственного (статистического) учета. Карьера статистика прерывается в 1933 г. арестом по ложному обвинению в антисоветской деятельности, и более четырех месяцев Ермоленко содержится в заключении под следствием. В 1933 г. чекистами Западно-Сибирского края были сфабрикованы два огромных дела – «белогвардейский заговор» (1759 арестованных бывших белых офицеров, партизан и церковнослужителей) и «заговор в сельском хозяйстве» (2.087 арестованных из числа специалистов-аграрников)⁴. Очевидно арест Ермоленко последовал именно в рамках «заговора в сельском хозяйстве». Об обстоятельствах этого ареста, о незаконных способах допроса с целью добиться самоогово-

⁴ См. подробнее: *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М., 2008.

ра («Сознавайтесь, а в чем – сами знаете»), о поведении товарищей по несчастью в экстремальных условиях, а самое главное – о своих мыслях и чувствах, пережитых на пороге смерти в сталинском «мертвом доме», и повествует Василий Иванович в том фрагменте своих воспоминаний, которые помещаются в нашей публикации.

Рис. 1. Василий Ермоленко в 1920-е гг.

В первой половине 1930-х гг. маховик репрессий еще не был раскручен в полную мощность. В. И. Ермоленко посчастливилось: его освободили из-под следствия, и он возвратился к семье и любимой работе. С 1941 по 1958 г., вплоть до ухода на пенсию, Василий Иванович заведовал Бийской районной инспекцией Центрального статистического управления. Свои воспоминания о прошедшей жизни он написал собственноручно на склоне лет, уже переехав в 1967 г. вместе с женой на жительство в Новосибирск, к сыну Геннадию. Память о событиях прошлого, о сиюминутном восприятии непростых коллизий своей персональной жизни, исторических перипетий своей малой родины и страны в целом подпитывалась у мемуариста записями в тех дневниках, которые он вел в течение многих лет.

Текст воспоминаний В. И. Ермоленко, которые мы цитируем далее, написан аккуратным, уверенным и довольно размашистым почерком почти без ошибок, помарок и исправлений. На качестве текста наверняка сказались многолетний писарский и канцелярский опыт автора, его опора на дневники. Воспоминания размещены на пронумерованных автором 189 страницах общей тетради, разлинованной типографским способом в клеточку. После смерти Василия Ивановича его вдова Людмила Филипповна сделала в той же тетради несколько записей о последних днях жизни супруга и своих посещениях его могилы.

Публикатор узнал о существовании этого интересного исторического источника от правнучки его автора Дарьи Ермоленко. В 2006 г., будучи ученицей 11 класса средней общеобразовательной школы № 136, она выступила на научно-практической конференции Новосибирского научного общества учащихся «Сибирь» с докладом «Судьба человека в судьбе страны в переломный момент истории (по материалам семейного архива)». Доклад и его тезисы были подготовлены под руководством учителя истории Г. С. Сиротиной. В тезисах цитировались некоторые документы из семейного архива, прежде всего воспоминания прадеда. Дарья рассказывала: «В нашей семье бережно хранится все, что оставили предки – письма, дневники, фотографии, воспоминания и записи устных рассказов.

Прадед изучал историю нашей семьи и рода, вывел родословную вплоть до Григория Саввича Сквороды. Он очень подробно описывал происходившие когда-то события, выписывал какие-то факты из газет, записывал анекдоты, ходившие в народе».

Материалы этой теперь уже давней работы школьницы, как и записи из семейного архива Ермоленко, к сожалению, до сих пор не публиковались. По нашей просьбе Д. Ермоленко предоставила нам ксерокопию всего текста воспоминаний прадеда (на рис. 2 представлены две страницы), а также письменный вариант своего доклада, который помог нам в источниковедческом анализе мемуарного источника.

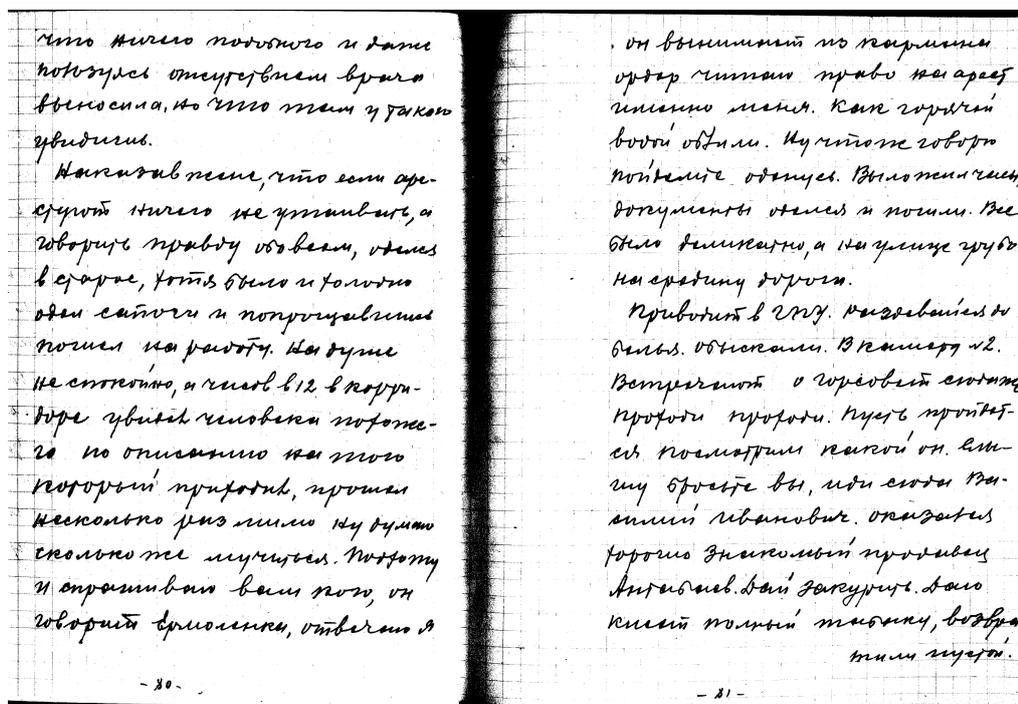

Рис.2. Страницы воспоминаний В. И. Ермоленко

Впервые публикуемый далее фрагмент воспоминаний В. И. Ермоленко помещается на страницах 77–106 рукописного первоисточника. При подготовке текста к изданию мы полностью сохранили содержание публикуемого фрагмента. Проведенная осторожная правка заключалась только в том, что использованы кавычки для выделения прямой речи, местами введено новое разделение текста на абзацы, в прямых скобках вставлены уместные дополнения и расшифровки нестандартных сокращений. В подстрочных примечаниях нами сделаны пояснения, необходимые для лучшего понимания читателями исторических реалий описываемого времени.

Практически одновременно с данной публикацией в коллективной монографии ««История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв.» нами обнаружится еще один фрагмент воспоминаний В. И. Ермоленко, относящийся ко времени бурных политических событий 1914–1920 годов⁵. Воспоминания старого статистика, содержащие интересный пласт информации и о «событийной» истории бурного XX столетия на юге Западной Сибири, и об отражении коллизий времени в субъективной сфере мыслей и эмоций «простого» сибиряка – крестьянского сына, солдата царской армии, служащего низового звена советских органов статистики – заслуживают публикации

⁵ «История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты): коллективная монография, посвященная памяти В. Ф. Цыбы / под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родиной, О. М. Хлытиной. Новосибирск, 2018. С. 270–284

в полном объеме и последующего активного использования в работе историка – исследователя, публициста, педагога.

Фрагмент из воспоминаний В. И. Ермоленко

[...] В феврале 1931 г. Сростинский район ликвидировали, и мы вернулись в Бийск. Я поступил на работу экономистом отдела труда [Бийского районного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов], а в сентябре 1932 г. по распоряжению Западно-Сибирского крайисполкома в соответствии с реш[ением] СНК⁶ был отозван на работу в органы государственной статистики и назначен бийским районным инспектором народнохозяйственного учета. Работая на этой должности, я пользовался поддержкой и уважением со стороны руководящих работников райисполкома и райкома партии, и я решил вступить в члены ее и начал готовиться, но этому сбыться не суждено было.

В начале 1933 г. пошли аресты специалистов, врачей, инженеров и др. Был арестован и [мой] свояк, муж сестры жены. Рассказывали подробно, кто приходил арестовывать и как был одет, а 12 февраля прихожу домой с работы, говорят: «Приходил человек и спрашивал тебя». Расспрашиваю и узнаю, что этот человек по внешним признакам похож на того, который арестовал свояка. Возникло подозрение: похоже, приходили за мной. А дома жена несколько дней как пришла из родильного дома. Думаю: ведь говорил – не надо ребенка, а что теперь будет, если арестуют. И с ребенком столько пережил. (Прихожу в родильный, а жена пишет, что у ребенка голова ненормальная. Правда, когда я сказал [об этом медицинской] сестре, она доказывала, что ничего подобного, и даже, пользуясь отсутствием врача, [ребенка мне] выносила, но что там у такого [маленького] увидишь.)

Наказав жене, что, если арестуют, ничего не утаивать, а говорить правду обо всем, оделся в старое, хотя было и холодно, одел сапоги и, попрощавшись, пошел на работу. На душе беспокойно, а часов в 12 в коридоре увидел человека, похожего по описанию на того, который приходил: прошел несколько раз мимо. Ну, думаю, сколько же мучиться. Подхожу и спрашиваю: «Вам кого?». Он говорит: «Ермоленко». Отвечаю: «Я». Он вынимает из кармана ордер. Читаю – право на арест именно меня. Как горячей водой облили. «Ну что же, – говорю, – пойдемте, оденусь». Выложил часы, документы. Оделся, и пошли. Все было деликатно, а на улице [он меня] грубо [вытолкнул] на середину дороги.

Приводит в [районный отдел] ГПУ⁷. «Раздевайся до белья», – обыскали. «В камеру № 2». Встречают: «О, горсовет сюда же! Проходи, проходи. Пусть пройдет, посмотрим, какой он». Слышу: «Бросьте вы! Иди сюда, Василий Иванович», – оказался хорошо знакомый продавец Антабаев. «Дай закурить». Даю кисет, полный табаку, возвратили пустой.

Не прошло и полчаса, открывается камера и кричат: «Ермоленко, выходи. Ишь, посадили к своим». Перевели в камеру № 3, а там тоже оказались знакомые, но я залез под нары и лежал там до вечера. Я хотел быть один.

Часов в 10 веч[ера] вызвали по списку человек 20, последним меня: «Выходи с вещами». Я шел последний. В дверях остановили, а через несколько минут пришли и за мной.

Выводят в ограду. Мороз. Втолкнули в круг людей с винтовками. Бесспорно, меня приняли за кого-то другого. Не может быть, чтобы меня [взяли] под такой усиленный конвой. Через некоторое время привели еще арестованных и, предупредив не разговаривать, а шаг в сторону – будут стрелять, повели по городу. На улице огни, толпы гуляющих, а нас ведут. Проходим переулок, по которому ходил на работу. «Прощай, все родные, больше не вернусь».

⁶ СНК СССР – Совет Народных Комиссаров – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти в СССР 1922–1946 гг.

⁷ ГПУ (ОГПУ) – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР в 1923–1934 гг., орган по борьбе контрреволюцией, шпионажем, обеспечению государственной безопасности и борьбе с чуждыми советской власти элементами.

Привели на вокзальную площадь. Команда: «Садись». Сажусь – холодно. Смотрю на других: оказывается, надо было только присесть [на корточки]. Затем привели к вагону: «Заходи, размещайся, не разговаривай!».

Рано утром были в Барнауле. Мороз. Привели в ограду [местного отдела] ГПУ. Минут через 20 завели в помещение и [разместили] по камерам, человека по три – четыре, а меня одного, но и здесь в камере оказались знакомые. Камера маленькая, примерно 15–20 м², а людей больше 40. Я сел на пол у порога рядом с парашей. Страшно душно. Ночью вызвали на допрос. Предложили стул, папиросы: «Сознайтесь, а в чем, сами знаете. Не сознаетесь – идите, подумайте».

Так повторялось три – четыре раза. Не знаю, в чем сознаваться, и не говорят. В пятый или шестой вызов уже потребовали стоять, а на следующий – стоял уже из 30-ти часов [подряд] часов 20 с одним перерывом часа на два. Сначала потел, потом ноги и спина болели, а затем наступает какое-то омертвление⁸. Следователь молчит, читает или уходит, а приходит другой. Прислонись к виском к холодной стене – легче. Прошусь в уборную – не разрешает. Он вышел, а я видел, когда вели, где она. Думаю: пусть что угодно делают – схожу. Вернулся, его еще не было.

В камере объявляет староста (бывший поп) мне бойкот. Никто не разговаривает. Кружки, ложки не дают (у меня ничего не было). Получали 200 гр. глиноподобного хлеба, и прямо с таза попьешь жидкости, и все. Поздно вечером староста камеры подсел ко мне и говорит: «Ты признайся – будет легче»⁹. Я уже соглашался, говорю: «Пусть пишут, я подпишу». «Нет, говорят – надо рассказать». А что рассказать, если не знаешь?

На седьмой день вызывают и говорят: «Ну, теперь придется сознаваться. Пришли новые материалы, и вы не отвертитесь». Прошу прочитать – не читают. Вызвали человека, смотрю – Кучин. Бывший работник земской управы¹⁰, но какой у него вид! Жалко смотреть! Вопрос ему: «Знаете вы этого человека?» – т. е. меня. Отвечает: «Знаю». Мне: «А вы [его] знаете?». «Знаю лет 15». Ему: «Расскажите, как было дело». Отвечает: «18 сентября 1932 [г.] в здании исполкома на выходной во двор лестнице он говорил мне, что в Бийске очень много недовольных, но теперь уже ничего не сделаешь, п[отому] ч[то] советская власть здорово окрепла и приходится быть только недовольными». «А еще что?». «Больше ничего». Я попросил разрешения задать вопросы. «Был ли я у вас или вы у меня на квартире и знаете ли, где [моя] квартира?». Отвечает: «Нет». «Точно помните, что указанный разговор был именно 18 сентября?». Отвечает: «Да». Прошу следователя записать это в протокол, т[ак] к[ак] я в это время был в Новосибирске на съезде. Больше вопросов задавать не разрешили и его увели.

«Ну, теперь сознаетесь?». Я ответил, что на предыдущих допросах я клялся до слез, уверяя, что перед советской властью ни в чем не повинен. «У вас же, видимо, есть данные о виновности, поэтому используйте клеветника как основание и расстреливайте. Видимо, так надо. У меня больше ничего нет». Следователь, предупредив, что «усугубляете свое положение», посоветовал подумать еще, «и в случае надобности попроситесь на допрос». На этом закончилось мучение с допросами.

Через два – три дня меня перевели в другое помещение. Подвал очень низкий, с маленькими окошечками. Там было нас около 200 чел[овек]. Теснота страшная. Многие сидели в одних кальсонах, без рубашки. Вскоре туда же прибывает Кучин. Спрашиваю у него: «Зачем ты наговорил на меня всякой небылицы?». Отвечает: «Ну, а что я должен делать, если требуют?». Глупо, но что скажешь?

⁸ Так называемая «выстойка» относилась к основному арсеналу получения «добровольных» признаний от подследственных в 1930-е годы. Особо упорных арестованных вынуждали стоять на ногах по двое-трое суток, что превращало «выстойку» в мучительную пытку.

⁹ Судя по поведению старосты, он по заданию чекистов, будучи внутрикамерным осведомителем, добивался от арестованных признаний.

¹⁰ Земская управа – в Западной Сибири – исполнительный орган местного самоуправления при Временном правительстве в 1917 г. и при белогвардейских правительствах в 1918–1919 гг.

Как-то вечером привели пять чел[овек] молодых парней, поместили у порога. Осужденны к расстрелу за ограбление колхоза. Похоже, вожак, молодой красивый парень, рассказывает о приговоре. Предупреждает своих товарищей, чтобы доедали хлеб и соль, п[отому] ч[то] в 12 ч[асов] уже не понадобится. Жутко. Все как-то присмирели. Не спим. В первом часу ночи пришел конвой. Говорят шепотом: «Собирайтесь». Один из них встал, постоял, всбывчился и как бы с разбега как ударится головой об кирпичный столб под балкой. Его схватили, голова опустилась. Уволокли. Долго еще люди не могли уснуть. Слышны были вздохи и изредка шепот. Тяжелое впечатление произвела эта картина.

В первых числах марта нас повели в тюрьму. Положение с питанием улучшилось. Хлеба стали выдавать по 500 гр., в камере свободнее. Помылись в бане.

Через неделю меня вызвали в канцелярию тюрьмы на работу, а через несколько дней поручили стол отдела пересылки. Предложил сличить дела с людьми: оказалось много дел без людей, а людей без дел. Оказывается, многие были отправлены [в места отбывания наказания] по чужим делам. Много было работы с оформлением.

Случай: приказ – вечером всех (и работающих) в камеры. Караул заменили. «Свет погасить. Не курить». Оказывается, [проводится] крупная операция. Этой ночью исчезли люди из барака, которые были там сконцентрированы под предлогом отправки их в этап. В действительности же наутро около барака было много вещей, валялись письма, карточки и проч[ее].

Работаю. Жду решения судьбы. Каждое утро приносят приговоры чрезвычайной тройки, которые просматриваются с страшным волнением.

Однажды поздно вечером сижу, занимаюсь, подходит ко мне один из работников секретной части и говорит: «Неприятность. Подготовься. Твое дело взяли в ГПУ в числе других 80-ти. Эти случаи бывают с страшными роковыми результатами. Могут расстрелять».

Сижу, как в огне. Сердце замерло. Работать, конечно, не могу. Ушел в камеру. Оказывается, этот секрет, видимо, там уже известен, п[отому] ч[то] отношение ко мне резко изменилось. Предлагают поесть гостинцы [из] посылок, курить. Ничего не хочу. Лег на свое место и впал в такое состояние, как будто меня вынули из горячей ванны. Все передумал за всю свою жизнь: отца, мать, братьев, детство. Жизненные неудачи, огорчения. После долгих и мучительных размышлений постепенно начинаю успокаиваться и мириться с мыслью о смерти. Какая-де разница – на 10–15 лет раньше или позже. Умирают же люди молодыми. Убивают на фронте и т. д. И вот наступает какое-то тупое безразличие: «Ну что ж, такая судьба. Жаль только, сына не увижу и не буду знать, что за человек из него выйдет».

В таком положении в камере оказалось нас двое. Сидим, никуда не идем, и никто не вызывает, хотя там у меня работы много. Посмотрим друг на друга, и глаза в пол. Наконец, стали ворожить. Ворожили всеми практикующимися в тюрьме способами, и все получалось так, что он выйдет, а я нет. Хотя и не веришь в это, а тяжело, а он заметно воодушевляется. На вторую ночь его увели и расстреляли.

Я остался один. Еще стало тяжелее. Написал жене письмо, чтобы не ждала. Написал и послал доверенность на право продажи дома. Начальник канцелярии заверил ее, чему я удивился. В письме пишу, чтобы дом продала, постаралась вырастить сына. Поплакал над письмом, и то и другое послал «через стену», т. е. нелегально. Несколько успокоился.

Так прошло три или четыре дня – не помню. И вот... Воскресение, 10–11 ч[асов], выхожу в тюремную ограду (право выхода из камеры как работающему [у меня] было). Весна, день солнечный, теплый. Смотрю на суету людей и кажется странно. Каждый куда-то идет, торопится, спешит, чтобы что-то сделать. А зачем? Скоро ведь умирать, и нас не будет. За оградой лес, жаль [с ним] расставаться. Я так люблю быть в лесу. Сосны шумят, и мне этот шум всегда навевал грусть.

Смотрю – из-за главного корпуса выходит начальник тюрьмы Николаев и, увидев меня, кричит: «Поздравляю, Василий Иванович!». Это меня, откровенно говоря, испугало. Я подумал, что, значит, вместо расстрела [мне присудили] 10 лет, а это значит – лагеря,

тачка, север, словом, муки тяжелого труда, и так стало тяжело на душе, что меня бросило в жар. Мелькнула мысль: «А почему он меня назвал по имени-отчеству, ведь он всегда называл “заключенный” такой-то?». Подходит ближе. Говорю: «Ну, зачем вы еще издеваетесь. И так тяжело». Говорит: «Да что вы!» (Вы – странно). «Вы через пять минут будете на свободе. Подойдите и посмотрите».

Подхожу. На руке у него стопка дел и сверху мое, на котором из угла на угол синим карандашом крупно написано: «Освободить. Шор»¹¹. Как электроток по виску. В горле ком. Слезы хлынули. Дышать не могу, а говорить тем более. Прислонился к косяку двери и не могу двинуться. Он ушел в канцелярию, а я стою, плачу. Теперь это странно, а тогда... Видимо, сказались нервы... Выскочили товарищи, поздравляют, а я не могу в себя прийти. Побежали в камеру за моими вещами, а я вошел в канцелярию. Документы мне уже готовы. Начальник спрашивает: «Можете сдавать дела?». Там все мои ребята знают, а я не могу. Получаю документы, посмотрел на всех, махнул рукой и вышел.

В сопровождении товарищей иду в комендатуру. Состояние трудно описать. Сажусь на лавку в ожидании очереди для оформления, и вспомнил картину в Третьяковской [галерее] «Не ждали»¹².

Вдруг телефонный звонок, подходит комендант, и слышу, отвечает: «Ермоленко задержать? Хорошо». Как удар по голове. Неужели ошибка? Неужели обратно в камеру? Аж в голове шумит, и сердце заболело. Сижу сам не свой. Через некоторое время, которое мне показалось вечностью, заходит начальник канцелярии. Посмотрел на меня и спрашивает: «Что с вами? Почему у вас такой вид? Это я просил задержать. Извините». Приказывает охраннику открыть ворота, а не калитку, и мы выходим. Берет меня за талию и говорит: «А теперь ко мне. Вон моя квартира». Я категорически отказываюсь: «Не могу».

Перед нами травка, дети, нарядные люди, веселые, смеющиеся, а ведь я четыре месяца ничего этого не видел. Состояние непередаваемое, а он буквально тащит к себе. Заходим. Никого нет. Наливает стакан водки: «Пей!». Отказываюсь, но он настоял, и я вынужден был выпить, но больше пить не стал, несмотря на его настойчивость.

Наконец, я упросил отпустить и отправился [домой]. Надо сказать, что такое внимание [мне] было оказано п[отому], ч[то] еще в [19]20 г. он мальчишкой работал в моем подчинении на [Всероссийской] переписи населения, и [теперь] показал документ за моей подписью.

Перешел плотину через речку. До города надо пройти более 2 км. Берег. Березки. Пенок. Сел отдохнуть и под влиянием ли пережитого или выпитого, а вернее, того и другого я так зарыдал, что всю душу перевернуло. Мне кажется, это была разрядка. Сидел долго, успокоился, и стало легко и хорошо. Один, близко никого нет. Тихо – хорошо.

Зашел в столовую, а к вечеру – на вокзал, а утром был в родном Бийске. То ли потому, что борода выросла, или одет так, но меня не узнавали, а этого мне и хотелось.

¹¹ Правильно: Шорр Мирон Лазаревич (1907 – после 1955), канд. в чл. ВКП(б) с окт. 1931. Уроженец Таврической губ. Еврей. С марта 1930 пом. уполн. особотделения Барнаульского окротдела-оперсектора ПП ОГПУ Сибкрая – ЗСК. С 1.2.1931 врид уполн. РСО, с 1932 уполн. регстатотделения Барнаульского оперсектора ОГПУ. С 1.4.1933 опер. Учетно-статистич. отдела (УСО) Барнаульского оперсектора ОГПУ, в 1933 участвовал в фабрикации дел лиц, осужденных по «белогвардейскому заговору» и «заговору в сельском хозяйстве». С 1.12.1935 секретарь Барнаульского ГО УНКВД ЗСК. С 5.8.1936 инспектор 2 отделения отдела кадров, секретарь УНКВД ЗСК, на июль 1937 ст. инспектор отдела кадров УНКВД ЗСК, сержант ГБ (22.3.1936). С окт. 1937 секретарь нач-ка УНКВД по Алт. краю, опер. УСО УГБ УНКВД по Алт. краю, сержант ГБ. Арестован 19.12.1937, осужден ВТ СибВО 27.10.1938 к расстрелу по ст. 58-1а-8-11 УК. Военная коллегия Верховного Суда СССР 13.1.1939 отменила приговор и направила дело на доследование. За недоказанностью обвинений 22.2.1940 УНКВД по Алт. краю дело было прекращено. Автор благодарит А. Г. Теплякова за предоставленные сведения.

¹² «Не ждали» – картина И. Е. Репина, написанная в 1884–1888 гг. Отражала первую реакцию членов семьи на возвращение из ссылки революционера-народовольца.

Захожу в дом. Жена сидит на лавке с сыном на руках. Пауза, потом бросается ко мне. Генке было уже 4,5 мес[яца], и он [потянул меня] за бороду, тогда как мужчин боялся. Жена плачет, у меня тоже слезы сами катились. Точная картина «Не ждали».

Думаю, с месяц отдохну, но через два – три дня почувствовал необходимость работать. Вечером все идут с работы, а я сижу, как будто выброшенный из о[бщест]ва, никому не нужный человек.

Иду в поисках работы. Побывал в жилкооперации. Надо [здесь работников], но узнали, что сидел – «Воздержимся», так же было и в других [учреждениях]. С таким пятном трудно устроиться. Наконец, с большим трудом устраиваюсь статистиком-экономистом в Леспромсоюз¹³. Работа не нравилась, но ничего не сделаешь. Спокойно работал около года, а в июне приходит инспектор нархозучета¹⁴ и предлагает вернуться в систему [государственной] статистики. Я отказываюсь, п[отому] ч[то] там я был арестован, и едва ли меня допустят. Однако, подумавши, сказал, что соглашусь перейти туда только в том случае, если будет решение исполкома [районного Совета] об этом. Это мне нужно было еще и потому, что если такое решение состоится, то за мной ничего не числится. Ведь это идти работать в здании исполкома. Он говорит: «Переведем принудительно», – и ушел. Я был уверен, что такого решения не будет, т[ак] к[ак] оно могло состояться только с согласия ОГПУ.

Через несколько дней приходит на работу инспектор Коварский и приносит выписку из решения президиума исполкома [районного] Совета, в котором записано: «Для усиления аппарата инспектуры нархозучета мобилизовать Ермоленко В. И. из Леспромсоюза».

Предъявляется это решение [районному] руководству Леспромсоюза, которое категорически протестует. Ушли в исполком, а, вернувшись, объявили, что «ничего не поделаешь, В[асилию] И[вановичу] придется переходить». Таким образом, я оказался на прежней своей, более близкой и любимой работе в должности экономиста. За период с 1934 по начало 1941 г. много перебывало инспекторов, которые работу не знали, и мне приходилось выполнять должность инспектора, а в 1937 и 1939 гг. проводились [всесоюзные] переписи [населения] с подготовкой к ним почти по году, а я как в той, так и в другой был начальником [районного] бюро переписей [...].

Список литературы

Троцкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПур, 2014. С. 14–31.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.

Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

«История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты): коллективная монография, посвященная памяти В. Ф. Цыбы / под ред. В. А. Зверева, Н. Н. Родигиной, О. М. Хлытиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 325 с.

Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 608 с.

¹³ Леспромсоюз – в данном случае – местное отделение кооперативной организации, занимавшейся вопросами лесного и промышленного хозяйства.

¹⁴ Инспектор нархозучета – сотрудник районной инспектуры народнохозяйственного учета, низового звена системы ЦУНХУ (Центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР) – советской государственной организации, занимавшейся в 1931–1941 гг. сбором статистических данных в стране.

*V. A. Zverev**

«Thrown out of Society»: a Soviet Man about Surviving in Stalin's «Purgatory»

The published fragment of autobiographical reminiscences of Vasilii Ivanovich Ermolenko (1893-1970) combines the features of personal source and ego-document. The author worked in statistical department in Altai region during 1920s–1950s, and wrote his memoirs in the late 1960s, when he was enjoying his retirement in Novosibirsk. The published fragment refers to 1933, when the Biysk district inspector of economic accounting was arrested on false charges of anti-Soviet activities and was kept in custody for more than four months. The article describes circumstances of this arrest, interrogations conducted for the purposes of inducing self-incrimination, as well as prisoner's behavior in extreme conditions. The most important part is the author's explication of his thoughts and emotions experienced on the verge of death. The text of the memoirs was given for publication by its author's great-granddaughter Daria Ermolenko.

Keywords: 1930-s, Barnaul, Biysk, memories, ego-document, Joint State Political Directorate, repressive system, a pre-trial investigation.

Статья поступила в редакцию 27.08.2018

* **Zverev Vladimir A.** – doctor of historical sciences, professor, Novosibirsk State Pedagogical University (NSPU), chief researcher, Institute of History of the Siberian Branch of RAS. E-mail: sosna232@yandex.ru